

DOI 10.37386/2305-4077-2022-2-52-59

А. Х. Гольденберг¹*Волгоградский государственный социально-педагогический университет***«ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН» А. С. ПУШКИНА
В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ Д. Н. МЕДРИША**

В статье рассматриваются новаторские подходы Д.Н. Медриша к интерпретации пушкинского стихотворного цикла «Песни западных славян», анализируются его открытия в творческой истории цикла, найденный ученым сербский фольклорный источник сюжета «Песни о Георгии Черном», размышления о соотношении в ее поэтике фольклорных и литературных черт.

Ключевые слова: А. С. Пушкин «Песни западных славян», Д.Н. Медриш, сербский эпос, Караджич, русская литература, фольклоризм

A. Kh. Goldenberg*Volgograd State Social and Pedagogical University***"SONGS OF THE WESTERN SLAVS" BY A.S. PUSHKIN
IN THE SCIENTIFIC DISCOURSE OF D.N. MEDRISH**

The article discusses innovative approaches to the interpretation of Pushkin's poetic cycle "Songs of the Western Slavs" by D.N. Medrish, analyzes his discoveries in the creative history of the cycle – the Serbian folklore source found by the scientist for the plot of "Song of George Cherny", reflections on the relationship in its poetics of folklore and literary traits.

Keywords: A.S. Pushkin, "Songs of the Western Slavs", D.N. Medrish, Serbian epic, Karadzic, Russian literature, folklore

В обширном научном наследии российского фольклориста, историка и теоретика литературы Давида Наумовича Медриша (1926–2011) ведущее место занимают проблемы поэтики литературного фольклоризма. Ученый предложил принципиально новые подходы к исследованию характера взаимоотношений литературы и фольклора, их форм и взаимосвязей². Эти разностадиальные виды словесного творчества рассматривались им как составные элементы единой метасистемы – словесного художественного творчества. Исследователю удалось определить специфику фольклорно-литературных связей на уровне структуры художественного времени [Медриш, 1974а], выявить принципиальные отличия соотношения слова и события в фольклорных и литературных нарративах [Медриш, 1974б], доказать тезис о тяготении поэтики русской литературы к двум жанровым фольклорным полюсам – сказке и лирической песне [Медриш, 1980]. Изучение фольклорного генезиса литературных приемов, образов, сюжетов и мотивов он

¹ Аркадий Хаимович Гольденберг – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете; goldenberg48@mail.ru

² О новаторском характере теоретических идей и методологических подходов Медриша см. подробнее: [Гольденберг, 2018, с. 23-30].

сочетал с поиском типологических соответствий между фольклором и литературой. Таково, например, его новаторское исследование лирической ситуации в поэтике чеховской прозы [Медриш, 1978].

Оригинальное развитие получила в трудах ученого бахтинская концепция «чужого слова» в художественном тексте. Определяя функции фольклорных цитат, аллюзий, реминисценций, парафраз в произведениях русской литературы на всем протяжении ее исторического развития, Медриш пришел к глубоко обоснованному выводу о том, что «слово, перенесенное из фольклора в литературу с любой, даже абсолютной точностью, воспринимается как переосмысленное, чужое слово, имеющее свое происхождение, свою историю, свой круг бытования» [Медриш, 1980, с. 243]. В литературе «чужое слово тем явственнее, чем точнее оно воспроизводится <...> В фольклоре, напротив, ощущение “чужого текста” возникает только при его намеренном и целенаправленном изменении» [Там же, с. 122].

Исследование проблем литературного фольклоризма в трудах Медриша позволили их автору заново поставить вопрос о художественном потенциале фольклора. Он обнаружил в нем нереализованные, тупиковые тенденции и на основе системно-типологического анализа фольклорных и литературных текстов выдвинул и обосновал тезис о том, что «в определенном смысле фольклорная традиция оказывается более продуктивной в литературе, нежели в фольклоре» [Там же, с. 245].

Одной из отличительных особенностей научного дискурса Медриша стало обращение к широкому кругу поэтических традиций славянской народной культуры. Заметную роль среди них играл сербский фольклор³, материалы которого ученый привлекал для исследования важнейших аспектов поэтики литературного фольклоризма.

Чрезвычайно широко сербский фольклор представлен в работах Медриша, посвященных «Песням западных славян» и «Сказкам» Пушкина. Первый поэтический цикл прямо отсылает к сербскому героическому эпосу. С ним Пушкин познакомился по двум источникам: знаменитому сборнику Вука Караджича, два издания которого хранились в библиотеке поэта [Гусев, 1991, с. 35], и книге Проспера Мериме «Гузла» – литературной мистификации, вольной прозаической обработке ряда сербских юнацких песен.

Обращаясь к творческой истории цикла «Песни западных славян», основательно изученной пушкинистами (см., например: [Фомичев, 1983]), Медриш делает несколько значимых открытий. Он доказывает, что две загадочные рукописные строки и приложенная к ним метрическая схема, обнаруженные на обороте черновика стихотворного послания к А. П. Керн («Я помню чудное мгновенье...», 1825), прямо соотносятся с южнославянской эпической традицией. До него исследователи Пушкина определяли их двояко: либо как запись неизвестной русской народной песни, либо как подражание ей:

*Расходились по поганскому граду,
Разломали темную темницу...*
[Пушкин, 1959, т. 2, с. 536].

³ О первых опытах собственных стихотворных переводов сербских народных песен во время учебы Медриша в Черновицком университете см. в его посмертно опубликованных воспоминаниях: [Медриш, 2012, с. 405-406].

Строки эти, по давнему мнению Бориса Томашевского, – «первая мысль о стихе “Песен западных славян”», свидетельство работы Пушкина над созданием так наз. «народного стиха». Однако исследователь утверждал, что пушкинская запись «ни в какой мере не связана с южнославянским фольклором <...> конкретный материал этих двух стихов говорит, скорее, о русском, чем о сербском фольклоре» [Томашевский, 1926, с. 38].

Медриш привлек для анализа загадочных пушкинских строк более глубокий историко-культурный контекст. Он обратил внимание, что сюжетная ситуация двустипия (разгром «поганского града») нехарактерна для русского эпоса и русского исторического сознания. В средневековой Руси был культ городов, тема защиты которых от «поганых» отражена и в русских былинах, и в «Слове о полку Игореве». Город как «свое» пространство противопоставлялся «полю» как «чужому», поганскому. В историческом сознании и эпосе южных славян ситуация была другой. По наблюдению ученого, в сербских юнацких песнях о восстаниях против турок народ («райя») из лесов и ущелий начинал поход на города и крепости, которыми владели турки: «Первое сербское восстание, руководимое Георгием Черным, сопровождалось штурмом многих городов-крепостей и длительной осадой Белграда, взятого в конце 1806 года. В эпических песнях этого времени – как и в последующих, вплоть до освобождения от османского ига, – строки о захвате царских (то есть султанских, «поганских») городов становятся своеобразным лейтмотивом» [Медриш, 1987, с. 26]. В качестве показательного примера сквозной роли этого мотива Медриш приводит песню «Почетак буне против дахија» («Начало восстания против дахий», то есть против турок-янычар) из хорошо известного в России сборника Вука Караджича «Народна србска пјеснарица». Главным героем песни о первом победоносном этапе восстания является его предводитель Георгий Черный, которого турки-горожане просят не рушить город: «Не кварите царевых градова...».

Эти выводы ученого стали толчком к новому прочтению пушкинской «Песни о Георгии Черном», 11-й в цикле «Песни западных славян». Основу ее сюжета составляет убийство Георгием своего отца (на самом деле – отчима), готового выдать туркам убежище сына и его соратников, чтобы предотвратить восстание. У Вука Караджича это событие не упоминается. Пушкинисты нашли его книжный источник – «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» Д. Бантыш-Каменского (1810). Сам Пушкин дает в примечаниях ссылку на известное ему *предание* о том, что Георгий сказал товарищам после выстрела: «Старик мой умер; возьмите его с дороги» [Пушкин, 1959, т. 2, с. 425].

Медриш значительно расширяет круг доступных Пушкину источников сюжета «Песни». Ее герой после разгрома Первого сербского восстания против турецкого владычества в 1814–1817 гг. жил в России, и его личность живо интересовала Пушкина⁴. В Кишиневе поэт общался со многими участниками восстания

⁴ В стихотворении «Дочери Карагеоргия» (1820) поэт называет его «преступник и герой» [Пушкин, 1959, т. 1, с. 119]. Причиной его гибели посвящен черновой набросок поэта «Менко Вуич грамоту пишет.» (1835).

1804–1813 гг., события которого нашли яркое отражение в юнацких песнях. Ученый замечает, что среди кишиневских знакомых поэта были сподвижники Георгия – как, например, Яков Ненадович и Сима Сарайлия Милутинович, «сербский Оссиан», друг Караджича, участник сербского восстания. В его поэме «Сербиянка» (первоначально, по аналогии с «Илиадой», он собирался назвать ее «Сербиада»), изданной в Лейпциге в 1826 г. на средства одесского негодянта сербского происхождения Ивана Ризнич⁵, Георгий убивает не отца, а отчима. Такая же версия сюжета изложена в изданной в Лейпциге двумя годами позже В. Герхардом книге переводов на немецкий язык сербских народных песен, сказок, героических преданий и сборника Мериме «Гузла». О книге В. Герхарда Пушкин упоминает в предисловии к «Песням западных славян». Это дает Медришу основание предположить, что поэт, зная о реальной основе сюжета, сделал сознательный выбор в пользу версии об убийстве сыном именно отца.

На первый взгляд, приведенные ученым факты свидетельствуют о сугубо литературной природе «Песни». Так, по мнению авторитетной исследовательницы пушкинского цикла, убийство отца сыном – «ситуация для фольклора невыносимая. Резкое расхождение внутри одного стана борцов за национальную независимость, приводящее к отцеубийству, для патриархального сознания даже не трагедия, а катастрофа, крушение устоев жизни. Все это говорит о том, что сюжет “Песни о Георгии Черном” – пушкинский, а не фольклорный по самому своему существу...» [Муравьева, 1983, с. 161]. Однако Медришу отсылка к патриархальному сознанию не представляется неопровержимым аргументом. Он вновь обращается к южнославянскому эпосу и делает еще одно серьезное открытие: находит не учтенный ранее источник, доказывающий, что сюжет об отцеубийстве имеет фольклорное происхождение. Это записанный в черногорском войске сотником Савой Мартиновичем иной вариант песни о начале восстания против турок, где повествуется о бесчинствах турецких завоевателей. В основе сюжета лежит рассказ об убийстве Георгием своего отца, укрывающего за городскими стенами турка Салима, похитившего прямо со свадьбы сестру Георгия Елу. Разломав ворота, Георгий врывается в город и отсекает отцу голову⁶.

Обобщая свой опыт собирания народных песен, Вук Караджич пишет: «Песня не история. В истории видят истину, а в песне – как она придумана и приукрашена» [Караджич, 1987, с. 10]. По словам исследователя черногорского эпоса, гуслир стремится «переплавить исторический материал в традиционную эпическую форму <...> используя знакомый ему запас эпических мотивов, ситуаций, характеристик, поэтических формул» [Путилов, 1962, с. 93].

Сопоставляя народные песни о Георгии Черном с пушкинской «Песней», Медриш выявляет их глубинное родство на уровне не только фабулы (сын убивает отца), но и поэтики. В сюжетах сербских юнацких песен выбор героев был заранее

⁵ Муж Амалии Ризнич, героини любовной лирики Пушкина, чьей памяти посвящены стихотворения «Под небом голубым страны своей родной» (1826), «Для берегов отчизны дальней» (1830).

⁶ Этот текст был включен в сборник Караджича лишь в 1862 г. [см.: Карацич, 1976, № 25].

предопределен традицией, предпочтением общенародного личному. Исследователь показывает, что у Пушкина «эпическое равновесие между частным и общим, на котором основана народная песня, резко поколеблено. Для этого найдено поразительное художественное решение: отправляясь к туркам, чтобы донести о готовящемся восстании, от которого Петро не ждет ничего, кроме новых несчастий для сербов, и тем самым обрекая на гибель смельчаков, и Георгия прежде всего, Петро в то же время не порывает с миром кровнородственных связей и обязанностей и, смертельно раненный своим сыном Георгием, успеваешь крикнуть: *“Помоги мне, Георгий, я ранен!” / И упал на дорогу бездыханен*. Момент наибольшего трагизма отмечен рифмой – единственной на всю песню» [Медриш, 1987, с. 32].

Ни в фольклорном первоисточнике, ни в прозаическом тексте Мериме этого нет. Системно-типологический анализ литературного и фольклорного текстов приводит ученого к заключению, что «пушкинский рассказ глубже, он отличается таким глубоким историзмом и тонким психологизмом, которые фольклору недоступны, но строится он не вопреки фольклору, а на его основе. То, что свойственно каждой поэтической клеточке “Песни о Георгии Черном”, фольклорной по истокам и пушкинской по существу, присуще и сюжету, и всей художественной структуре произведения» [Там же, с. 32–33].

С позиций исторической поэтики Медриш подходил и к проблеме жанровой обусловленности литературного фольклоризма. Ученый опирался на свои наблюдения о различиях жанровых систем русского и южнославянского фольклора. Так, в русском фольклоре эпос и лирика складывались в разные эпохи и на различной основе, историческим рубежом между ними стали Куликовская битва и последующее освобождение от иноземного ига. У южных славян активное эпическое творчество продолжалось вплоть до XX в., пока не завершилась многовековая национально-освободительная борьба против османского владычества: «...здесь становление и развитие эпических и лирических жанров совершалось, в основном, одновременно, на общей исторической, бытовой и поэтической основе; семейное и национальное, личное и государственное выступало в рамках одного ведущего жанра – юнацкой песни со свойственным ей кругом устоявшихся сюжетов, ситуаций и образов» [Там же, с. 30].

По аналогии с бахтинским термином «память жанра» ученый предложил ввести такое понятие, как «память жанровой системы» [Медриш, 1983, с. 10]. Согласно его концепции, «в процессе своего воздействия на литературу русский фольклор излучает два основных жанровых импульса, полярных по своей природе (сказочный – эпический и песенный – лирический)». В поэтической же культуре южных и западных славян «преобладает балладный импульс», по своей природе лиро-эпический [Там же, с. 12]. Эта концепция Медриша получила развитие в работах исследователей «Песни о Георгии Черном», не принимающих распространенное мнение о ней как сугубо литературной «стилизации» под фольклор. Так, В. Е. Гусев, размышляя о ее жанровых истоках, заметил, что в южнославянском эпосе Пушкина привлек именно «балладный сюжет, в котором обнаружи-

вается трагический мотив вынужденного убийства отца, угрожавшего “туркам выдать послушного сына, объявить убежище сербов”, чем в сущности оправдывается поступок сына» [Гусев, 1991, с. 40].

Положение о «памяти жанровой системы» в словесности разных народов позволило ученому по-новому истолковать творческую историю пушкинской стихотворной «Сказки о рыбаке и рыбке» [Медриш, 1992, с. 83–100]. Первоначально ее сюжет поэт предполагал использовать в песенном жанре, дав ему заглавие «18-я песнь сербская» в цикле «Песни западных славян». Медриш установил, что целый ряд сюжетов и образов, известных русскому фольклору исключительно как сказочные, у южных славян зафиксирован и в песенном бытовании. В сербской любовной лирике, например, широко распространен сюжет типа «Царь Салтан». Столь же естественным в жанровой системе сербского фольклора было бы отнесение сюжета о рыбаке и рыбке и к сказке, и к песне. Решив переместить его в цикл «Простонародные сказки», ориентированный на русскую фольклорную традицию, песенный вариант поэт исключил, поскольку «в жанровой системе русского фольклора этот сюжет укладывается в форму сказки – и только сказки» [Медриш, 1987, с. 17].

Обращение Медриша к материалам сербского фольклора оказалось чрезвычайно плодотворным. Оно позволило ученому выявить закономерности взаимодействия литературы и фольклора как составляющих общей метасистемы – художественной словесности славянских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гольденберг, А. Х. Теоретические идеи Д. Н. Медриша и проблемы литературного фольклоризма. / А. Х. Гольденберг // Традиционная культура. – 2018. Т. 19. – № 5. – С. 23–30.

Гусев, В. Е. Пушкин и Вук Караджич / В. Е. Гусев // Временник Пушкинской комиссии. – Вып. 24. – Ленинград: Наука, 1991. – С. 29–41.

<**Караджич, В. С.**> Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича / Сост., предисл. и примеч. Ю. Смирнова. – Москва: Художественная литература, 1987. – 512 с.

Медриш, Д. Н. Структура художественного времени в фольклоре и литературе / Д. Н. Медриш // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Ленинград: Наука, 1974а. – С. 121–142.

Медриш, Д. Н. Слово и событие в русской волшебной сказке / Д. Н. Медриш // Русский фольклор. – Т. XIV. Проблемы художественной формы. – Ленинград: Наука, 1974б. – С. 119–131.

Медриш, Д. Н. Сюжетная ситуация в русской народной лирике и в произведениях А. П. Чехова / Д. Н. Медриш. – Русский фольклор. – Т. XVIII. Славянские литературы и фольклор. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 73–95.

Медриш, Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики / Д. Н. Медриш. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. – 296 с.

Медриш, Д.Н. Взаимодействие двух словесно-поэтических систем как междисциплинарная теоретическая проблема / Д.Н. Медриш // Русская литература и фольклорная традиция. – Волгоград: ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1983. – С. 3–15.

Медриш, Д.Н. Фольклоризм Пушкина. Вопросы поэтики / Д.Н. Медриш. – Волгоград: ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1987. – 72 с.

Медриш, Д.Н. Путешествие в Лукоморье. Сказки Пушкина и народная культура / Д.Н. Медриш. – Волгоград: Перемена, ВГПУ, 1992. – 144 с.

Медриш, Давид. Об интересных людях / Д.Н. Медриш // Вопросы литературы. – 2012. – № 4. – С. 402–422.

Муравьева, О.С. Из наблюдений над «Песнями западных славян» / О.С. Муравьева // Пушкин. Исследования и материалы. XI. – Ленинград: Наука, 1983. – С. 149–163.

Путилов, Б.Н. Героический эпос черногорцев / Б.Н. Путилов. – Ленинград: Наука, 1982. – 237 с.

Пушкин, А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1 / А.С. Пушкин. – Москва: ГИХЛ, 1959а. – 643 с.

Пушкин, А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2 / А.С. Пушкин. – Москва: ГИХЛ, 1959б. – 799 с.

Томашевский, Б. Генезис «Песен западных славян» / Б. Томашевский // Атеней. – Кн. 3. – Ленинград, 1926. – С. 35–45.

Фомичев, С.А. «Песни западных славян» Пушкина: История создания, проблематика и композиция цикла / С.А. Фомичев // Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История. – Ленинград: Наука, 1983. – С. 130–144.

Карацић, В.С. Српске народne pjesme. Књ. 1 / В.С. Карацић. – Београд: Просвета, 1976.

REFERENCES

Fomichev, S.A. «Pesni zapadnyh slavyan» Pushkina: Istoriya sozdaniya, problematika i kompoziciya cikla / S.A. Fomichev // Duhovnaya kul'tura slavyanskih narodov: Literatura. Fol'klor. Istoriya. – Leningrad: Nauka, 1983. – S. 130–144.

Gol'denberg, A.H. Teoreticheskie idei D.N. Medrish'a i problemy literaturnogo fol'klorizma / A.H. Gol'denberg // Tradicionnaya kul'tura. 2018. – Т. 19. – № 5. – С. 23–30.

Gusev, V.E. Pushkin i Vuk Karadzich / V.E. Gusev // Vremennik Pushkinskoj komissii. Vyp. 24. – Leningrad: Nauka, 1991. – С. 29–41.

[**Karadzich, V.S.**] Serbskie narodnye pesni i skazki iz sobraniya Vuka Stefanovicha Karadzich'a / Sost., predisl. i primech. YU. Smirnova. – Moskva: KHudozhestvennaya literatura, 1987. – 512 s.

Medrish, D.N. Fol'klorizm Pushkina. Voprosy poetiki / D.N. Medrish. – Volgograd: VGPI im. A.S. Serafimovicha, 1987. – 72 s.

Medrish, D.N. Literatura i fol'klornaya tradiciya. Voprosy poetiki / D.N. Medrish. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1980. – 296 s.

Medrish, David. Ob interesnyh lyudyah / D.N. Medrish // Voprosy literatury. – 2012. – № 4. – S. 402–422.

Medrish, D.N. Puteshestvie v Lukomor'e. Skazki Pushkina i narodnaya kul'tura / D.N. Medrish. – Volgograd: Peremena, VGPU, 1992. – 144 s.

Medrish, D.N. Slovo i sobytie v russkoj volshebnoj skazke / D.N. Medrish // Russkij fol'klor. T. XIV. Problemy hudozhestvennoj formy. – Leningrad: Nauka, 1974b. – S. 119–131.

Medrish, D.N. Struktura hudozhestvennogo vremeni v fol'klоре i literature / D.N. Medrish // Ritm, prostranstvo i vremena v literature i iskusstve. – Leningrad: Nauka, 1974a. – S. 121–142.

Medrish, D.N. Syuzhetnaya situacija v russkoj narodnoj lirike i v proizvedeniyah A.P. CHEkhova / D.N. Medrish. – Russkij fol'klor. T. XVIII. Slavyanskije literatury i fol'klor. – Leningrad: Nauka, 1978. – S. 73–95.

Medrish, D.N. Vzaimodejstvie dvuh slovesno-poeticheskikh sistem kak mezhdisciplinarnaya teoreticheskaya problema / D.N. Medrish // Russkaya literatura i fol'klornaya tradiciya. – Volgograd: VGPI im. A. S. Serafimovicha, 1983. – S. 3–15.

Murav'eva, O.S. Iz nablyudenij nad «Pesnyami zapadnyh slavyan» / O.S. Murav'eva // Pushkin. Issledovaniya i materialy. XI. – Leningrad: Nauka, 1983. – S. 149–163.

Pushkin, A.S. Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 1 / A.S. Pushkin. – Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1959a. – 643 s.

Pushkin, A.S. Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 2 / A.S. Pushkin. – Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1959b. – 799 s.

Putilov, B.N. Geroicheskij epos chernogorcev / B.N. Putilov. – Leningrad: Nauka, 1982. – 237 s.

Tomashevskij, B. Genezis «Pesen zapadnyh slavyan» / B. Tomashevskij // Atenej. – Kn. 3. – Leningrad, 1926. – S. 35–45.

Karashchih, V.S. Srpske narodne pjesme. Kn'. 1 / V.S. Karashchih – Beograd: Prosveta, 1976.